

Алексей Калугин

КИБЕРДЖОКЕРЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
К17

Калугин, А.

К17 Киберджокеры / А. Калугин – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – 428 с.

ISBN 978-5-521-73827-4

Земля захвачена негуманоидными пришельцами — спинерами. Выжившие люди влачат жалкое существование на обломках рухнувшего мира. И только небольшие, отчаянные группы сопротивления все еще продолжают борьбу. Но для того, чтобы победить спинеров, нужно сначала понять цель их появления.

Героям среди которых ряд очень ярких, харизматичных персонажей, предстоит пройти через множество испытаний, чтобы получить ответы хотя бы на часть вопросов, от которых зависит выживание человечества. Но, чем больше они узнают о своем противнике, тем невероятнее становится открывающаяся перед ними истина. Спинеры вовсе не стремились уничтожить человечество — люди сделали это сами.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73827-4

© Алексей Калугин, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Г Л А В А 1

Дороги катятся сами собой. Даже если те, кто идут по ним, не знают, где они начинаются и куда ведут. Казалось бы, просто. Но без идущих не станет и дорог. Все странным образом взаимосвязано в этом удивительном мире.

Так было, пока не пришли спинеры. С их появлением распалась привычная связь вещей. Порядка не стало. Повсюду воцарил хаос. Или, если угодно, новый порядок. Потому как, порядок — вещь в высшей степени субъективная. И, по сути, порядком можно назвать все, что угодно.

Вот, к примеру, звезды — разбросаны по Вселенной совершенно хаотичным образом. Однако, их беспорядочное по природе своей расположение обретает видимость порядка, стоит лишь человеку запрокинуть голову, чтобы посмотреть в ночное небо. Воображение соединяет звезды, расстояние между которыми уму не постижимо, и складывает их в фантастический орнамент созвездий.

Странно, но — факт.

Первым спинеров увидел Зиглер.

Его пост находился на третьем этаже здания, в котором прежде располагалось какое-то промышленное

производство. От тех времен остались распределительные щиты на стенах с выдранными внутренностями, толстые, черные трубы, тянущиеся вдоль стен, и тяжелые, чугунные станины в центре помещения, на которых в лучшие времена были установлены конвейерные автоматы. Куда все это подевалось — черт его знает. Да никому это и не интересно. Даже производственные запахи из помещения давно выветрились. Сейчас здесь пахло не маслом, краской и щелоком, а цементной пылью, гарью и мочой. Пол прежде был выложен светло-коричневой плиткой — от нее еще остались отдельные квадратики. Судя по отметинам зубила, кто-то намеренно сбивал плитку. Странно, конечно. Кому и зачем могла понадобиться старая плитка? Но, видно, все же, какой-то смысл в этом имелся. Не зря же человек трудился?

После вторжения спинеров мир перевернулся с ног на голову. То, что прежде казалось невозможным и даже диким, теперь становилось естественным. Хотя и не всегда доступным пониманию. То есть вполне нормальным было то, что ты не понимаешь логику действий других людей, с которыми не работаешь вместе, рука об руку. У каждого имелась своя цель. Хотя, в конечном счете, все сводилось к одному — выжить! Вот, только одни старались выжить любой ценой, другие — вопреки всему.

Зиглер стоял возле широкого окна с чуть приоткрытой фрамугой. Он мог не опасаться, что его увидят — небьющееся стекло было покрыто плотным слоем желто-коричневой грязи с неровными потеками, оставленными дождем. Вода не смогла очистить стекло от коркой налипшей на него грязи, а только размазала ее. Из-за этой залепившей окна грязи помещение

было погружено в полумрак, как будто уже наступил поздний вечер. Хотя стрелки часов указывали всего-то на половину первого. Два пулевых отверстия в нижней, наглухо закрытой части окна, были похожи на линзы включенного кинопроектора, испускающие плотные, почти осязаемые пучки света.

Ногу Зиглер поставил на узкий, грязный подоконник. Локоть руки, в которой он держал монокуляр, упирался в согнутое колено. Объектив монокуляра был направлен на петляющую среди невысоких холмов дорогу, катящуюся в сторону резервации.

Выжившие сами начали использовать название «резервация» для мест компактного проживания, в которые сгоняли их спинеры.

Хотя, нет, не так.

Спинеры никого не ловили и никуда не сгоняли. Они лишь оставляли коробки с пищевыми брикетами в небольших городках, расположенных в глуши. А голодные люди, измученные бессмысленностью своего нынешнего существования и мрачной предопределенностью будущего, приходили туда сами. Многие оставались в резервациях навсегда. Потому как, помимо еды, жизнь в резервациях имела еще одно неоспоримое преимущество — здесь не стреляли. В то время, как за пределами резервации боевые летающие дроны пришельцев без предупреждения открывали огонь на поражение по всему, что движется. А встретить незнакомых людей порой было опаснее, чем столкнуться с теми же спинерами. Люди могли начать стрелять, чтобы забрать твоё барахло. Или подозревая, что ты собираешься их ограбить. Или просто так — потом, что привыкли стрелять.

Одним словом, в резервациях имелась еда и здесь было относительно безопасно. Относительно — потому что время от времени спинеры забирали несколько человек в Муравейник. И они уже не возвращались. Ну, так это было похоже на лотерею — кому-то везет, кому-то нет. Большинство все равно оставалось в выигрыше.

Зиглер достал из заднего кармана полицейскую рацию. Щелкнул клавишей вызова.

— Джипер!

— Слушаю, — ответил ему хриплый, искаженный помехами голос из рации.

— Вижу двух спинеров. С ними трое меченых и одна платформа. Прикрытие: «блоха» и два «скорпиона». Время до подхода — пятнадцать-двадцать минут.

— Отлично! — щелчок отбоя.

Зиглер выключил рацию и, припав глазом к окуляру, снова направил объектив туда, где небольшой отряд медленно двигался по грунтовой, размытой ночным дождем дороге.

Даже на первый взгляд, группа выглядела странно. А, если приглядеться как следует, то это была уже не странность, а какая-то извращенная бессмыслица. Фантасмагория в стиле Брейгеля.

По середине дороги, там, где самая грязь, медленно ползла прямоугольная платформа, загруженная одинаковыми ящиками из серого картона с ярко-оранжевыми треугольными наклейками. У платформы не было ни бортов, ни колес, ни хоть каких-нибудь полозьев. Она беззвучно скользила в нескольких сантиметрах над землей, не касаясь ее. Ничем не закрепленные коробки лежали неподвижно, так, будто были надежно зафиксированы стяжными ремнями.

Впереди платформы вышагивали двое спинеров. Бок о бок, четко выдерживая дистанцию в полтора метра от переднего края платформы.

Издали спинеры были похожи на личинок жука-геркулеса, каким-то образом умудрившихся принять вертикальное положение. Они шли, неловко раскачиваясь из стороны в сторону, как будто с трудом сохраняя равновесие. Казалось, сделав шаг-другой, от силы третий, они завалятся на бок и начнут уродливо изгибаться, то подтягивая голову к хвостовой части, то пытаясь выгнуться в обратную сторону, в беспомощных попытках подняться. Однако впечатление это было обманчивым. Зиглеру доводилось видеть спинеров совсем близко. И он точно знал, что вблизи они производят совершенно иное впечатление. Пришельцы не просто подавляли людей своим чудовищным, запредельным уродством. Находясь рядом с ними, невозможно было избавиться от ощущения, что эти существа наделены какой-то необъяснимой внутренней силой.

Когда Зиглер впервые оказался рядом со спинером, у него в подсознании возник образ человека, идущего по очень тонкому льду, предательски хрустящему и трескающемуся, вот-вот готовому подломиться. Вэл рассказывал, что ему в такой же ситуации казалось, что он заперт на втором — он точно это знает! — этаже охваченного огнем дома. Он стоит в каком-то крошечном, полутемном помещении без окон. Перед ним единственная дверь. Но за дверью бушует пламя. Вэл слышит, как трещат горящие половицы, чувствует запах дыма, ощущает просачивающийся сквозь щели жар. Он знает, что ручка двери раскалена и, если он коснется ее, то обожжет пальцы. Но, если даже ему удастся открыть дверь, это приведет лишь к тому, что

пламя ворвется в комнату. Это была классическая безвыходная ситуация. Вэлу оставалось только ждать, когда огонь сам доберется до него. При этом Вэл уточнял, что ни разу в жизни не оказывался в подобном переплете. Да, и вообще, ему нравился огонь! Он любил жарить мясо на костре!..

Когда кто-то спросил о том же самом Харма, тот ответил: Холод. Холодное, острое лезвие приставленное к горлу... После чего Харм ослабил свои здоровые, как у лошади, и такие же желтые зубы и провел ногтем большого пальца по горлу...

Каждый видел, чувствовал, представлял себе самые разные вещи. Но все они так или иначе были связаны со смертельной угрозой. А, может, это и были предвестием смерти.

Высотой спинеры были под два с половиной метра. Их громоздкое и обманчиво кажущееся неуклюжим тело опиралось на четыре коротенькие, кривенькие ножки с четырьмя длинными крючковатыми пальцами, один из которых был отставлен назад, а три других враспырку, как у курицы, торчали вперед. Четыре верхние конечности располагались в области верхней трети тела. Обычно они прятались под панцирем и появлялись, только когда это требовалось. На самом верху, под нависающим козырьком, находилась маленькая, приплюснутая, как таблетка, головка, на которой можно было разглядеть две пары глаза. Два глаза размером с офисную печать были так широко расставлены, что, казалось, смотрели в разные стороны. Два других, размером с мелкую разменную монету, располагались ниже и ближе к центру того, что условно можно было назвать лицом.

На самом деле, ничего даже отдаленно напоминающего человеческое лицо у спинера не было. В нижней части головы у него имелись две пары выростов, похожих на зазубренные клещи. Крис, здорово разбирающийся в биологии, называл их умным словом «мандибулы». Харм использовал другой термин, который, скорее всего, сам и придумал — «жвала». Однако, оба сходились во мнении, что головка спинера слишком мала для того, чтобы в ней мог разместиться мозг высокоразвитого разумного существа. Следовательно, мозг пришельца располагался где-то за его головой, в шейной или грудной области тела. Крис высказывал предположение, что мозг спинера, мог быть разделен на несколько отделов. Вроде того, как человеческий мозг разделен на два полушария. Только у спинера все отделы мозга, сколько бы их ни было, по всей видимости, располагались вдоль вертикальной линии тела.

Но самой удивительной частью анатомии спинера был его панцирь. Расцветкой панцирь напоминал перепелиное яйцо — множество мелких темно-серых пятен, беспорядочно разбросанных по такому же серому, но более светлому фону. Зиглер видел его совсем близко. А один раз смог даже коснуться панциря рукой. Тактильные ощущения были очень яркими и незабываемо странными. Зиглер до сих пор помнил это прикосновение, как будто оно случилось минуту назад. На ощупь панцирь спинера не был похож ни на один природный или искусственный материал, которые ему доводилось трогать, щупать, мять или гладить. Панцирь был шероховатый, покрытый мелкими зазубринами, сплетающимися в причудливый орнамент, отдаленно напоминающий папиллярный рисунок на ладонях человека. Должно быть, из-за них Зиглеру по-

казалось, что пальцы прилипли к панцирю. Панцирь был теплый. Он казался податливым и одновременно необычайно прочным. Да, это кажется странным, но именно такое впечатление сложилось у Зиглеру. И, по всей видимости, именно так оно и было — природный материал, подаривший спинерам их удивительные панцири, обладал свойствами, которые, казалось бы, должны быть взаимоисключающими. Он был необыкновенно прочным — от него отскакивали пули, выпущенные в упор из автоматической винтовки — и одновременно пластичным настолько, что позволял спинеру легко сворачиваться в кольцо.

По левую сторону от плавно скользящей по дороге платформы, топча жухлую прошлогоднюю траву, сквозь которую только начала пробиваться молодая весенняя зелень, уныло вышагивали трое меченых. На них были широкие, бесформенные комбинезоны в цвет наклейкам на коробках с пищевыми брикетами. Как будто спинеры тащились от оранжевого цвета. Причем, все сразу. Хотя, скорее всего, яркий цвет комбинезонов был нужен для того, чтобы меченые не потерялись среди обитателей резервации, которые носили, что придется, отдавая предпочтение тусклым, неброским цветам. Цель у них была прямо противоположная — не выделиться, а раствориться в людской массе.

На плечах у меченых лежали раздвижные захваты на коротких древках, похожие на ухваты для горшков или мэнкетчеры, с помощью которых в средние века пехотинцы стаскивали с лошадей закованных в латы рыцарей. У меченых задача была иная.

Довершали картину три боевых дрона. Стандартная связка: «блоха» и два «скорпиона». «Блоха» размером